

12. Теория государства и права. Учебник. / Под ред. В.М. Корельского. М., 1999.
13. Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч.
14. Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч.
15. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России.
16. Краткая редакция. Текст по академическому списку. Правда Росская // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 1.
17. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
18. Наумов А.В. Указ. соч.
19. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004.
20. Осокина Г.Л. Указ. соч.
21. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2.

А.П. Михайлов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Учебный центр при МВД Республики Адыгея, г. Майкоп

Одной из актуальных проблем современных развитых стран является прогрессивная динамика правонарушений несовершеннолетних. Правовая девиация является неотъемлемой характеристикой любой социальной системы; она выражает неустрашимое до сего дня архетипичное противоречие между «общественным благом», как оно зафиксировано в праве, и личным интересом, понимание которого индивидуально и ситуационно. Особенно сильно это противоречие представлено в формирующихся личностях – как в силу неустойчивости привычки подчинять свою активность социальному диктату в разных его проявлениях, так и вследствие этого – слишком бурной фантазии на тему «все возрастающих потребностей индивидуума».

Современные социокультурные условия Российского общества, безусловно, не приемлют системы государственного патернализма в вопросах воспитания подрастающего поколения, выдвигая в качестве альтернативы, концепцию главенства свободы личности, обеспечения ее прав на самореализацию, творчества и духовной независимости.

Реформы 90-х гг., вводя рыночные механизмы в систему производства и управления, существенно ослабили контролирующую функцию государства, хотя ее сохранения по-прежнему требовали объективные условия организации экономики и естественные монополии.

В общем комплексе институциональных изменений в области государственной политики по противостоянию криминализации молодежной среды, особое место должна была занять реформа правосудия, и, в частности, в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Хотя, как отмечают специалисты, «... в целом и в советское время подход

к преступности несовершеннолетних, характерный для ювенальной юстиции, не состоялся» [1, с. 73], тем не менее, советская практика предложила иной ответ на проблему малолетней преступности – Комиссию по делам несовершеннолетних.

Этот орган функционировал на основе Положения 1967 г., в соответствие с которым до 1999 г. занимался разбором правонарушений несовершеннолетних, работал с родителями, не выполняющими обязанности по воспитанию детей, решал вопрос о направлении несовершеннолетнего в детский приемник-распределитель, специальные школы и ПТУ закрытого типа, т.е. функции КДН во многом были схожи с функциями суда.

Закон 1999 г. переориентировал деятельность КДН на защиту прав несовершеннолетних. Однако это не повлекло за собой изменения набора инструментов. Они остаются ориентированными на выявление правонарушителя, принятие к нему мер воздействия (по аналогу судебной модели) и совсем не предполагают какие-то способы обеспечения помощи несовершеннолетнему, защиты его интересов. В распоряжении КДН по-прежнему существуют следующие способы/инструменты воздействия на несовершеннолетнего: выговор, строгий выговор, штраф, направление дела в суд для принятия решения о помещении несовершеннолетнего в ЦВИНП, спецшколу/спец. ПТУ» [2, с. 30].

Комиссии осуществляли важную функцию координации всех ведомств, которые участвовали в профилактике подростковой преступности [там же, с. 31].

В своей деятельности, в советский период, Комиссии опирались на целую сеть организаций – родительские комитеты школ, пионерские дружины,

комсомольские организации, и классовых руководителей, которые вели активную воспитательную работу со всеми детьми, и особенно – с правонарушителями, активно взаимодействуя для этого с семьей. Для успешной деятельности по ресоциализации КДН не требовалось придавать дополнительные полномочия, например, для устройства несовершеннолетних делинквентов на работу и (или) в образовательное учреждение.

Разрушение советской идеологии и механизмов функционирования государственных органов и хозяйствующих субъектов, системы организации планового хозяйства, переход на принципы рыночной экономики вызвал дисфункцию и Комиссий по делам несовершеннолетних. Рост в России преступности несовершеннолетних в 90-е гг. происходил примерно в 6 раз быстрее по сравнению с темпами роста численности этой возрастной группы [3, с. 266], и потребовал институционального разрешения этой проблемы. В отличие от советской Комиссии по делам несовершеннолетних был предложен европейский подход – ювенальная юстиция, основанная на принципе восстановительного правосудия.

Анализ функционирования ювенальных судов во Франции, Канаде, США показывает неэффективность этого подхода, например, для США. Выявленные различия позволяют рассмотреть перспективу ювенального правосудия в России с позиции ее культурных особенностей. Этот подход требует рассмотрения социокультурных ресурсов общества, необходимых для эффективного функционирования восстановительного правосудия, а именно:

– эмоциональная готовность подростков «раскаяться» посредством исполнения определенного комплекса действий;

– наличие установки и ресурсов со стороны функционеров правоохранительной системы реализовывать восстановительный подход применительно к ювенальной преступности;

– наличие организаций, способных выступить в роли медиаторов и способных контролировать процесс ресоциализации подростка.

В тоже время, следует отметить, что современное российское общество отличается глубоким материальным расколом, что отражается в ценностных ориентациях различных социальных групп и их возможностях для социализации детей.

Учитывая, что значительная часть преступлений несовершеннолетних – это имущественные преступления, нельзя не признать логическую последовательность рыночного общества, легитимирующего жестокие наказания подростков за кражи, грабежи, угоны, и т.д. В конце концов, столкновение несовершеннолетнего с судом и тюрьмой – лучший способ показать ему меру ответственности за нару-

шения права. Ювенальная юстиция, милосердно уравнивающая правонарушителей из разных социальных слоев только по причине их возраста, – не самый подходящий инструмент для общества с глубокой экономической дифференциацией.

Не удивительно поэтому, что законопроекты о ювенальной юстиции не получили широкого одобрения у законодателей. Из трех законопроектов только Первый был одобрен депутатами Государственной Думы в первом чтении. В то же время Закон получил отрицательный отзыв Президента России [4, с. 112]. Сложилась сложная ситуация: с одной стороны, Пленум Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. принял постановление «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», где рекомендовал судам непосредственно применять международно-правовые стандарты и нормы, касающиеся особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, мер по обеспечению защиты их прав; с другой стороны, отсутствие у государства необходимых ресурсов (а у соответствующих органов нет и желания) на введение новых мер наказания, не связанных с лишением свободы, предложенных УК РФ 1996 г., не позволило судам применять никакую другую меру наказания, кроме лишения свободы.

Выход был найден за счет необоснованно широкого применения условного осуждения. Так, «если в нормальных условиях эта мера применялась к 18–20 % лиц, осужденных к наказанию, то в 1997 г. число условно осужденных составило 53.4 % от всех осужденных, а число несовершеннолетних, приговоренных условно, – 73.3 %. Но и это не привело к сколько-нибудь значительному сокращению числа лиц, находящихся в местах лишения свободы» [5, с. 71].

В этих условиях формирование восстановительного правосудия с его принципом сотрудничества и взаимодействия жертвы и правонарушителя рассматривается некоторыми юристами как достойный способ разрешения проблемы подростковой преступности. Однако по свидетельству специалистов, государство в современных социально-экономических условиях реально не может повлиять на распространение восстановительного правосудия.

Во-первых, начиная с 1926 г. и до настоящего времени в уголовном процессе России господствует «принцип законности» уголовного преследования, исключающего возможность оценки целесообразности возбуждения уголовного дела. Законодательство РФ, по оценкам специалистов, недостаточно способствует проведению уголовно-правовой медитации [6, с. 67]. Главное состоит в том, что большинство работников судов общей юрисдикции и правоохранительных органов отстаивают репрес-

сивный подход к несовершеннолетним правонарушителям, рассматривают подростков как наиболее криминогенную часть общества. Система не воспринимает «институты, применение которых призвано обеспечить последовательную реализацию принципа субъектного вменения – возрастной невменяемости, и ограниченной вменяемости [7, с. 90].

Во-вторых, важнейшим моментом восстановительного правосудия является заглаживание причиненного жертве вреда самим преступником. Правонарушитель должен «восстановить» нанесенный ущерб жертве: помимо принесения извинений, посещения ее в больнице и т.д., требуется возместить материальный ущерб, оплаты лечения в случае необходимости, помощи психиатра и т.д. Ясно, что если эти деньги жертва получит от родителей несовершеннолетнего преступника, разница восстановительного правосудия с привычным механизмом теневого сговора двух сторон с целью «полюбовного решения вопроса» будет минимальна. Государство же в настоящее время уклоняется от проблемы трудоустройства малолетнего преступника и контроля за его ресоциализацией: «... желательно, чтобы для добровольного выполнения взятого на себя несовершеннолетним обязательства по заглаживанию вреда путем заработка были созданы соответствующие социально-экономические условия... В будущем может быть поставлен вопрос о том, чтобы для таких подростков служба занятости специально бронировала рабочие места в пределах установленных для несовершеннолетних квот» [8, с. 104].

В-третьих, возникает большая проблема с введением штатных единиц социальных работников в систему судопроизводства. До настоящего времени на всех экспериментальных площадках формирования ювенальных судов в России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Саратов) профессиональная деятельность социальных работников финансово поддерживалась зарубежными грантами Программы Развития ООН «Поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних» (ПРООН). В частности, в Ростове-на-Дону их деятельность стала финансироваться с 1 января 2001 г. Эта работа получила высокую оценку со стороны судейского сообщества [9, с. 11]. Однако статус социальных работников за рамками грантов не нашел своего юридического оформления.

Социальный работник, на институциональном участии которого в рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей строится восстановительное правосудие в сфере ювенальной юстиции, для оптимизации своей деятельности, для придания ей смысла должен обладать полномочиями в плане решения насущных проблем делинк-

вента. Помимо встреч с трудным подростком и его семьей, посещения учебного заведения и участия в работе судебных заседаний, социальный работник, по идее, должен помогать «в устройстве на работу или учебу», в поиске жилья, то есть реально интегрировать несовершеннолетнего в общество [1, с. 83].

На основании проведенного анализа, мы считаем возможным предложить следующие выводы:

1. В советский период сложилась модель воспитательной работы с несовершеннолетними, вовлеченными в правонарушения, без отягчающих последствий. Она включала в себя деятельность Комиссии по делам несовершеннолетних, которая организовывала совместную работу всех ведомств, участвовавших в профилактике подростковой преступности (родительские комитеты школ, пионерские дружины, комсомольские организации, классовых руководителей, трудовых коллективов). Разрушение институциональной структуры советского общества сделали неэффективной и Комиссию по делам несовершеннолетних.

2. Введение системы ювенальной юстиции в России предполагает наличие необходимых социокультурных ресурсов, а именно: эмоциональная готовность подростков «раскаться» посредством исполнения определенного комплекса действий; установки и ресурсов со стороны функционеров правоохранительной системы реализовывать восстановительный подход применительно к ювенальной преступности: наличие организаций, способных выступить в роли медиаторов и способных контролировать процесс ресоциализации подростка.

3. Анализ социокультурных ресурсов, необходимых для эффективного функционирования ювенального правосудия и восстановительной модели ресоциализации, показывает их крайний дефицит. Во-первых, в настоящее время в молодежной среде наблюдается снижение общего фона нравственности, а в среде несовершеннолетних осужденных – практически полная неразвитость нравственного сознания. Во-вторых, большинство работников судов общей юрисдикции и правоохранительных органов отстаивают репрессивный подход к несовершеннолетним правонарушителям, рассматривают подростков как наиболее криминогенную часть общества; одновременно с этим, государство не инвестирует работу социальных работников, необходимых для функционирования ювенальных судов. В-третьих, ценностный и экономический раскол российского общества, вызвавший бытовую агрессивность населения, блокирует заботу институтов гражданского общества, направленную на поддержание и контроль за процессом ресоциализации малолетнего правонарушителя.

Литература

1. Флямер М., Карнозова Л. «Детская» юстиция. Обзор экспериментальных проектов в России // Движение за ювенальную юстицию в современной России. М., 2003.
2. «Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей: Мнения населения и экспертов. СПб., Ульяновск, Саратов, 2004.
3. Хохряков Г.Ф. Криминология. М., 2000.
4. Максудов Р. Движение за ювенальную юстицию в России: характеристика современного этапа и версия следующего шага // Движение за ювенальную юстицию в современной России. М., 2003.
5. Келина С.Г. Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Восстановительное правосудие. М., 2003.
6. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Восстановительное правосудие. М., 2003.
7. Цымбал Е.И. Предпосылки внедрения восстановительного правосудия для несовершеннолетних в России // Восстановительное правосудие. М., 2003.
8. Яковлева Н.Г. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с примирением с потерпевшим как мера исправления подростка // Восстановительное правосудие. М., 2003.
9. Ткачев В.Н. Правосудие в отношении несовершеннолетних – следующий этап судебно-правовой реформы // Ювенальная юстиция: мультидисциплинарный подход. Опыт становления правосудия в отношении несовершеннолетних в Ростовской области. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2001.

Ю.В. Танцерева

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ПО УПК ФРАНЦИИ И УПК РФ

Юридический институт Томского государственного университета

В конце XVII в. континентальная Европа обратила внимание на английский суд присяжных, которым очень гордились жители Англии, и решила позаимствовать его. Лидером в этом вопросе среди европейских стран стала Франция, которая значительно его видоизменила, при этом создав континентальный тип уголовного процесса, носящий смешанный характер.

Данный суд прошел множество метаморфоз до того, как стал функционировать в единой коллегии при вынесении приговора. Период деятельности суда присяжных в Российской империи, затем в современной России значительно меньше (на полтора столетия), чем во Франции.

С 1808 по 1958 г. во Франции действовал наполеоновский уголовно-процессуальный кодекс. Спустя сто пятьдесят лет после наполеоновской кодификации Франция снова, первой из европейских государств, произвела реформу уголовно-процессуального законодательства наряду с реформой судебной системы. УПК 1958 г. внес существенные изменения в отношении состава суда присяжных и порядка голосования в нем. Число присяжных в составе увеличено до девяти человек. Кроме того, предусмотрено, что всякое решение, неблагоприятное для обвиняемого, может быть принято только квалифицированным

большинством, т.е. не менее чем восемью голосами [1, с. 12].

Суд присяжных Франции состоит из суда «в собственном смысле и жюри». Суд в собственном смысле представляет собой председателя и ассессоров. В суде присяжных председательствует председатель палаты или член апелляционного суда. Ассессоры выбираются или из числа членов апелляционного суда, или из числа председателей, заместителей председателей и судей трибунала большой инстанции, в районе компетенции которого проводит свои сессии суд присяжных. Это профессиональный состав суда. Жюри состоит из граждан, назначенных согласно положениям УПК, достигших 30-летнего возраста [2].

Отличие формы суда присяжных Франции и России состоит в количестве профессиональных судей и народного элемента суда: 7 присяжных и 3 профессионала во Франции, 12 присяжных и один профессиональный судья в России. По своему содержанию они существенно отличаются, и главное отличие состоит в том, что суд присяжных Франции представляет собой единую коллегию профессиональных судей и граждан не только в ходе судебного разбирательства, но и в совещательной комнате, где присяжные и судебные магистраты совещаются, а затем голосуют посредством подачи письменных